

Реальность — пустыня

Сила и сила.

Благородный Фантазм и Благородный Фантазм.

Божественность и оружие.

Когда две крайности столкнулись друг с другом, пространственное искажение разнесло окружение на куски.

В месте соприкосновения двух атак разгорелась немыслимая борьба энергий.

В далеком прошлом блудница, наблюдавшая за сражением героев древнего города Урука, изумленно произнесла следующее:

- Мне показалось, что мир был рожден семь раз и семь раз был уничтожен.

В этом вихре сил две Героические души не переставали улыбаться.

Дело было не в том, что у них было на то свободное время. Если один из них утратит бдительность хотя бы на мгновение, его тело будет предано забвению. Они оба это знали.

Тем не менее, для этих двоих это была ерунда, детская игра. Детская битва умов.

И все же ни один из них не мог позволить сдержаться или сдать позиции.

Они лишь хотели сравнить свои силы. Они хотели драки. Померяться кулаками.

То, что технически они стали врагами волей Грааля, было едва ли более чем случайностью. Так каждый мог лишь быстрее почувствовать, что его друг был здесь.

Просто так получилось, что их дружеская дуэль втянула в себя всю округу.

Кроме того, энергии двух Благородных Фантазмов отменяли друг друга и рассеивались.

Но это «рассеивание» оставляло после себя смерчи, вгрызавшиеся в окружающий ландшафт.

- Мне стало легче.

Пока вокруг выли ветра, Герои спустились на землю и Гильгамеш, наконец, заговорил:

- Поначалу удивительно ностальгическая форма, которую ты принял, смутила меня, но, похоже, внутри ты ни капли не изменился.

Каким-то образом Энкиду, видимо, принял облик, в котором впервые встретился с Гильгамешем. Изначально он был бесформенной куклой из грязи, и, наверное, поэтому со временем сменил немало очертаний.

Король героев был все таким же надменным, но говорил совершенно иным тоном, которого никто больше не слышал.

- И все же ты проделал такой путь в эту пустыню ... ты все такой же эгоист. Лишь тебе хватит глупости поставить безопасность леса выше встречи со мной, - вообще-то он не ожидал, что

Энкиду придет, и говорил с обычным сарказмом. – Это тоскливая земля, но я заметил здесь песчаных червей и крыс. Ты, наконец, достаточно повзрослел, чтобы ставить одни жизни выше других?

Это были колкие слова, но враждебности в них не было.

После этих слов, произнесенных воплощением надменности, Энкиду покачал головой и ответил:

- Я не имею на это права. Я лишь инструмент, и то, каким мне быть, полностью зависит от моего хозяина. Но последнее суждение остается за мной. Лучше, если я буду единственным, кто возмутит пустыню.

Гильгамеш раздраженно вздохнул.

- Опять за старое? Ты не изменился, даже после смерти.

- А ты переродился тираном.

Находчивый ответ Гильгамешу, которого в юности считали мудрым правителем, был настолько же полон сарказма. Но в нем тоже не было злобы.

- Действительно. Если бы моя детская сторона увидела меня сейчас, то лишила бы себя жизни.

В сравнении со своим поведением в пещере, Гильгамеш говорил сейчас так беспечно, что его можно было принять за совершенно другого человека. Если бы маги, знавшие, каков он, увидели бы это, то стали гадать, почему бесполоя Героическая душа все еще была жива.

Причин было много, но любой скептический маг, вероятно, принял бы конкретно один объективный фактор — хотя сам Гильгамеш никогда бы об этом не подумал.

Этого противника было не так-то просто убить даже Королю героев.

Такова была сила этой Героической души.

Любой свидетель их битвы согласился бы.

Но детская игра еще не закончилась.

Клинок Эа в руке Гильгамеша вновь начал вращаться, и, словно в ответ на это, пространство за его спиной расцвело золотом.

- Вот как? Если бы ты в детстве был мальчиком, которого описывала Шамхат, то выбрал бы жизнь. Не ради будущего, но ради жителей Урука, которые тогда были еще живы.

Из песка взвились бесчисленные щупальца, словно они были частью тела Энкиду.

Увидев это, Гильгамеш вновь использовал свой Благородный Фантазм, чтобы воспарить в небо. Затем позади него открылась его сокровищница – Врата Вавилона – и из нее возникли сперва дюжины, затем сотни Благородных Фантазмов.

В то же время верхушки земляных щупалец Энкиду превратились в бесчисленно количество различного оружия, от мечей и копий до луков.

Один вздох – и тысячи снарядов с громоподобным звукам столкнулись друг с другом.

Над обдуваемом ветрами полем боя какофония звона металла.

Там было лишь две Героические души.

Но столкновение между ними, каждый из которых сам по себе был целой армией, было столь неистовым, что это можно было назвать лишь полем боя.

Королевская коллекция оружий, которые, по слухам, были прототипами всех Благородных Фантазмов, была неисчислима.

Оружия, которые были бы козырными картами для обычных Героических душ, расходовались без всякой сдержанности.

Чтобы противостоять этому, Энкиду стал одним целым с землей, преобразовал свое тело, дарованное богами, и создал великое множество божественных оружий.

Это был яростный, неумолимый обмен предельными атаками.

Парадоксальная сцена показывала, насколько сбалансированной была их дружба.

Их разговор вновь прервался, но никто из них не расстроился.

Им было достаточно просто быть вместе, здесь и сейчас.

Словесная битва умов или кровавый бой – для них все это было равносильно «разговору».

Именно поэтому Гильгамеш счел непростительным то, что кто-то осмелился окатить ледяной водой их радостное воссоединение спустя тысячи лет.

За спиной Энкиду подул холодный ветер.

Продолжая управлять своим бесчисленным вооружением, он посмотрел на север.

- Он идет.

- Что?

Не почувствовав обмана в этих словах, Гильгамеш тоже обратил свой взор на север, но ничего не почувствовал.

Вероятно, потому что Энкиду обладал настолько высоким уровнем Обнаружения присутствия, что мог чувствовать даже неуловимые сущности.

Изначально, ни Гильгамеш, ни Энкиду не придали значения слабым аурам вокруг, ведь пустыня была наводнена фамильярами, на которых они тоже не обратили никакого внимания.

Но это было совершенно иное, не похожее на животных и насекомых, служивших фамильярами.

Подозрительно слабое присутствие.

Энкиду инстинктивно почувствовал странное давление.

- ...Приближается нечто ужасное. Вероятно, мой естественный враг.

Услышав это, Гильгамеш поднял брови.

У Энкиду не было слабостей. Гильгамеш прекрасно это знал.

Единственным исключением можно было посчитать смерть, которую на него натравили — проклятье смерти, наложенное на него богами.

- ...Вот как. Наше воссоединение заставило меня забыть, что вокруг много воров, желающих наложить свои грязные лапы на мое сокровище.

- Я вхожу в их число?

- Тебе ведь не нужна такая безделица, как Святой Грааль, верно? Ты сам способен стать порочной машиной для исполнения желаний.

На это странное замечание Энкиду ответил:

- В лучшем случае, я смогу ее лишь симитировать. Ну, мое желание все равно уже исполнилось, а моему Мастеру Святой Грааль тоже не нужен.

Беспечно говоря об отказе от Грааля, Энкиду, тем не менее, не сводил сосредоточенного взгляда от севера.

- Но я обязан защищать своего Мастера. Я не могу исчезнуть здесь из-за чужого вмешательства. Сейчас я намерен сбежать, так что продолжим в другой раз.

Когда Энкиду с улыбкой сказал «убежать», Гильгамеш нахмурился.

- Что за шавка такая твой Мастер, если ты готов пойти на такое? Если он того стоит, то позволь мне судить самому.

То есть, если ему станет скучно, он прикончит Мастера на месте.

Уловив этот смысл в словах Гильгамеша, Энкиду лишь покачал головой и хихикнул:

- Ни за что. Ты умеешь судить лишь богов, людей и вино.

- ?

На лице Гильгамеша отчетливо читалось недоумение, хоть он и не был особо заинтересован в Мастере Энкиду. Он очень недобро вздохнул и сказал:

- В таком случае продолжим веселиться после того, как я казню мятежников.

Гильгамеш поднял голову. В его глазах горела тихая ярость на негодаев, посмевших помешать им.

Продолжая выстреливать сотни Благородных Фантазмов своими щупальцами, как ни в чем не бывало, Энкиду попытался успокоить раздраженного Короля.

- Нельзя, Гил. У короля не должно быть такого мрачного лица. Когда король беспокоит своих подданных, это огорчает их еще сильнее, чем страх перед тираном.

- Ты учишь меня быть королем после того, как решил сбежать, поджав хвост? Пусть у тебя были тысячи обликов, но ты действительно не изменился.

Гил с широкой улыбкой вновь поднял Эа. В ответ на это все Благородные Фантазмы, которые разбросало по округе, взревели. Эа, усиленный мощью Фантазмов, вновь искривил мир.

- Это будет мой последний удар на сегодня. Прими его как закрепление нашего воссоединения.

- Разумеется.

Энкиду вновь слился с землей и произнес, вбирая ману в свое тело:

- Я убегу сразу после этого. Хотя мне жаль, что Эа придется взять на себя роль дымовой завесы.

- Не насмехайся. Разве не все Созидание ослеплено моей силой?

Двое вновь улыбнулись, и в следующее мгновение—

С еще большей мощью два Энума Элиш вновь встретились, оставив на мире свой след.

Эта схватка оставила ужасные шрамы не только на лице пустыни, но и в сердцах магов, где даже время едва ли залечит их.

Несколько минут спустя...

Бушующие смерчи отсрочили его появление, но частица Бледного всадника, наконец, прибыла к центру пустыни.

Но здесь уже никого не было, как и пространственного искажения.

Какое-то время он кружил над местностью, оседлав ветер, и затем позволил своему телу исчезнуть из этого мира.

Он не будет преследовать Героические души, которые уже покинули это место.

В конце концов, он пришел избавиться от звуков грома, испугавших Цубаки — и теперь, когда они исчезли, ему здесь больше нечего было делать.

Все следы Героических душ, наконец, исчезли, и пустыня вновь погрузилась в тишину.

Тела впавших в кому фамильяров, коснувшихся присутствия Бледного всадника, усеивали землю, которую, как и всегда, освещал лунный свет.

Так закончилась первая битва фальшивой Войны за Святой Грааль.

Ассасин, почувствовавшая могучие силы, лишь укрепила свои враждебность и осторожность, тогда как Мертвый Апостол, пораженный силой Короля героев и его противника, выпучил глаза:

- Невероятно! За гранью всех ожиданий! Разве это не сила для осквернения моей Слуги?! – в восхищении пробормотал он.

Маги в городе отреагировали по-разному. Одни сбежали, почувствовав опасность, другие,

познав возможности Героических душ, утомили свои амбиции и начали строить планы по сохранению своих привилегий как Мастеров.

За эпицентром неистового сражения между магическими энергиями следили и в отдаленной стране — это не ускользнуло от внимания Часовой башни, штаб-квартиры Ассоциации магов.

В этот раз никто не погиб, но и Ассоциация, и Святая Церковь, решившие до этого просто тихо наблюдать за ритуалом, пересмотрели свои планы. Этот поток маны был вне сферы их полномочий.

Этот конфликт больше нельзя было игнорировать.

В землях Сноуфилда разгорелась невыразимая война между магами.

В свете этого истина и ложь перестали что-то значить.

<http://tl.rulate.ru/book/6511/121769>